Сломанные судьбы

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Сломанные судьбы СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

Совсем немного времени прошло с тех пор, как мы поздравили со страниц нашей газеты автора этого материала Аллаяра Чуриева с присуждением премии Ленинского комсомола республики. Чуриев – поэт, стихи его известны нашим читателям. Но заслуженная награда вручена совсем за другое – за кропотливый труд нескольких последних лет по воссозданию, как на основе архивных данных, так и с помощью очевидцев, биографии людей, много сделавших для родной земли, но незаслуженно репрессированных, а после запоздалой реабилитации – незаслуженно забытых. Десятки долгожданных, неоценимых для истории публикаций появились уже на страницах наших газет и журналов, издающихся на туркменском и русском языках. А скорбный список не кончается. Не кончается и творческий поиск литератора.

Мы обратились к А.Чуриеву с просьбой стать одним из постоянных ведущих нашей газетной рубрики «Страницы истории» и, конечно же, спросили, над чем сейчас трудится литератор. «Уже завершена работа над еще несколькими очерками о видных государственных и культурных деятелях республики, – пояснил он. – И не только о погибших, но и о тех, кто ныне в живых, чьи имена, как говорится, и поныне у нас на слуху. А блокноты по-прежнему полны. Причем о некоторых наших земляках данные очень скудны, скупы. На отдельный очерк явно не тянет. Но не оставаться же людям безвестными! Вот и решил объединить сведения о нескольких очень схожих людских биографиях в одной публикации».

Этот очерк – «Сломанные судьбы» – мы и предлагаем вам сегодня.

* * *

Джума Ханмухамедов. Детство его совсем не с нашей землей

связано. Родился в 1898 году в деревне Куликовы Копаны Ставропольской губернии. На Ставропольщине туркмены селились исстари. Были там и русско-туземные школы, одну из которых окончил Джума. Потом поступил в Тбилисское медучилище, стал фельдшером, а уже после революции учился в Москве, в мединституте. А тут и назначение подоспело – на родину предков.

Вся последующая жизнь Джумы ага была прочно связана с Туркменистаном. Он избирался членом ЦИК ТССР. В октябре-ноябре 1928 года в составе советской делегации, как представитель Туркменистана принимал участие в XIII Международной конференции Общества Красного Креста в Гааге. В 1929 году стал заместителем народного комиссара здравоохранения республики, год спустя – наркомом. И, наконец, ректором Туркменского государственного медицинского института.

В 1937 году Ханмухамедов был арестован по ложному обвинению и этапирован в Магадан. Лишь в начале войны он был освобожден. Дочь Джумы-ага, кандидат наук Шемси Ханмухаммедова, живет в Москве. Вот что она вспоминает:

– Когда арестовали отца, мне не было и пяти лет, и я мало что понимала. Мама старалась изо всех сил скрыть, что отец находится в лагерях, и никогда при мне не заводила об этом разговора. Вот я и считала, что папа просто в отъезде. А когда отец вернулся, он тоже при мне разговоры об этом не вел. Такое уж тогда было время.

А потом – война. После ее окончания отец снова стал партийцем, но прежний стаж его был восстановлен лишь в 1956 году, после полной реабилитации. Мама моя погибла в землетрясение, а я уехала в Москву учиться. По совету отца при поступлении в МГУ я ничего не сказала о том, что он был репрессирован. И после, уже начав работать, отправляясь в зарубежные командировки, я никогда не писала об этом в анкетах. Даже при мысли об этом охватывал страх: а вдруг все повторится...

Авторитет Д.Ханмухамедова среди туркменских медиков был огромен. Он скончался в Ашхабаде в 1984 году.

* * *

Справка из архива: Бабаев Курбан, 1904 года рождения, член партии с 1924 года:

1918-1920 – сторож.

1920-1922 – старший милиционер.

1922-1924 – председатель Казанджинского волисполкома.

1924-1926 – председатель округисполкома Город Полторацк.

1926-1928 – студент Комвуза.

1928-1930 – начальник окружного административного отдела. Город Ташауз.

1931-1934 – председатель колхозцентра правления животноводческих колхозов.

1935 – заместитель председателя Халачского райисполкома.

1936 – заведующий земельным отделом Керкинского округа.

2 июня 1935 года решением ЦК КП(б)Т делегат I и II съездов коммунистов республики Курбан Бабаев был исключен из партии. Правда, полгода спустя вновь восстановлен, но ненадолго.

По словам сына Курбанмурада Тувакмурада Бабаева, его отец был арестован в 1936 году. Его дальнейшая судьба сыну неизвестна. Сам Тувакмурад-ага уже немолод – за шестьдесят. Живет в Арчмане.

– дед наш родился в Хиве, – вспоминает он. – Пять-шесть семей туркмен решили оттуда переселиться. В новых краях все было им в новинку. Помню, бабушка рассказывала: «У кизыл-арватского оврага мы впервые увидели русских»... Пожили переселенцы в Кеши, потом перебрались в Кара-Кала. Дед наш Баба-иомуд мел двор у пристава, сажал деревья. Отец родился в Кара-Кала. В юности отец дружил с Федором, сыном поселкового фельдшера Ганжи, и поэтому хорошо знал русский язык.

Я с трудом припоминаю отца. Я воспитывался у бабушки, потому что, когда мне было четыре года, умерла мама. Отец же уехал в Казанджик. Говорят, люди его там очень уважали и считали прекрасным воспитателем. Бабушка рассказывала: в Казанджике был один сирота по имени Комеджик. Вороватый такой парень. Каждый раз, когда он приходил к нам. Бабушка старалась накормить его, жалея сироту. А потом оказалось: когда Комеджика ловили на воровстве, он говорил, что вхож в семью моего отца. Это действовало, как пароль: парня тут же

отпускали. Но в конце концов работники милиции рассказали об этом отцу. И вот однажды после этого Комеджик приходит к нам домой. Папа говорит ему: «Сынок, ты отнеси вот это письмо начальнику ГПУ», парень кивает: «Хорошо». Берет письмо и уходит. Оказывается, папа написал в письме, чтобы его проучили и задержали на три дня. Через три дня папа сам за ним поехал. Говорят, после этого Комеджик навсегда позабыл свои дурные привычки.

Мое детство было нелегким. Переехали в столицу, до седьмого класса я учился в ашхабадской школе № 28. А потом меня не пустили в школу, сказали, что я сын «врага народа». Пришлось мне бросить учебу.

Бабушка до последних минут своей жизни оплакивала сына. Прожила почти девяносто лет, а так и не узнала о его судьбе. Где могила отца? Кто расскажет об этом?

* * *

Берды Атаев родом из кизил-арватского села Джанахир. Работал поначалу на железной дороге, в земельном отделе в Казанджике. Его жена Курбанбике была первой туркменкой, вступившей в ряды партии. Было это в 1925 году.

Позднее Атаев стал работником юстиции. Жил одно время в Ашхабаде на улице Калинина – по соседству с Баки Мухамедовым, отцом известного филолога Зулейхи Мухамедовой. Потом Берды направили на работу народным судьей Тахта-Базарского района. Здесь он поддерживал самые тесные связи с семьей старейшего туркменского литератора Нагима Аширова. После учебы в Москве – переезд в Керки, должность народного судьи Керейнского округа. А вскоре он становится жертвой клеветы.

– Было это осенью, – вспоминает его старшая дочь Амантач. – Под вечер к нам в дом пришли незнакомые люди и увели папу. Больше я его не видела.

А оказался судья Атаев в 5-й тюрьме города Керки. В короткие минуты свидания только и успел сказать жене:

– Курбанбике, я конечно, попытаюсь оправдаться. Но если мне не поверят и отнимут партбилет, я покончу с собой.

На глаза Курбанбике навернулись слезы: она увидела носовой платок мужа, окрашенный кровью. Неужели его избивали?

У меня в руках не большая записка, которую Берды Атаев написал латинским шрифтом. С годами она пожелтела, но разобрать написанное нетрудно: «Курбанбике, как только ты получишь это письмо, немедленно отправляйся в Кизил-Арват вместе с детьми и устрой их там в школу. Это теперь главное: не лишай детей учебы... З. XII. 1937 г.».

Семья переезжает в Кизил-Арват. Но и здесь нет ей покоя. Курбанбике исключают из партии, как жену «врага народа». Здоровье ее, да и детей, было основательно подорвано. Не в этом ли одна из причин трагического исхода: женщина умерла в войну от тифа... Старшей дочери и сына Абдуллы теперь уже тоже нет в живых. Младшая дочь живет в Небит-Даге.

Долго и безуспешно пыталась родня узнать о судьбе Берды. Получили, наконец, в октябре 1946 года ответ заведующего Керкинским загсом Назаровой: «По имеющимся данным, Б. Атаев умер 1 июня 1946 года в керкинской тюрьме № 5». Год спустя, 154 мая 1947 года – совсем иной ответ, за подписью исполняющего обязанности прокурора г. Керки Ермакова: «Б. Атаев скончался 20 сентября 1944 года в тюрьме (в какой – не указано) от кровоизлияния в мозг».

В свидетельстве о смерти Берды Атаева № 23, выданном НКВД ТССР, написано, что он умер в возрасте 43-х лет. Со вторым ответом эти сведения явно не совпадают. Так и остается судьба еще одного верного сына родной земли неизвестной его родным и близким.

* * *

До сих пор хранится в моем блокноте запись беседы со старейшим Чары Караевым из колхоза «Ленин ёлы» Тедженского района. Вот что запомнил он об арестах тридцать седьмого:

– Я был двенадцатилетним мальчишкой, когда нашего односельчанина Хангельды Каррыева судили в Теджене как «врага народа». До сих пор помню его слова: «Вы судите меня не по моим словам, а по состряпанным «делам» из архивов». В нашем

селе его очень уважали.

Кем же был на самом деле Хангельды Карриев?

Он создал в Теджене первый красный партизанский отряд. Сохранился и поныне документ, свидетельствующий об этом, – личная книжка, выданная семье красного партизана Нурберды Карриева, младшего брата Хангельды. Судьба его была трагической: участвуя в одном из сражений в составе отряда, организованного его старшим братом и Паскуцким, воин попадает в плен к белогвардейцам. Там, в плену, он умер от разрыва сердца.

Хангельды Карриев был ближайшим соратником. Это тоже подтверждается документально. В 1928 году Николай Паскуцкий в своем письме в Народный комиссариат социального обеспечения сообщает следующие сведения: «Товарищ Карриев, обратившийся за назначением пенсии, и в самом деле является одним из немногочисленных туркменских деятелей, вставших на сторону Советской власти. В 1918-1919 году он активно боролся с белогвардейцами и местным бандитизмом. Он внес заметный вклад в уничтожение белогвардейцев в Закаспии, в советизацию освобожденных районов».

Хангельды Карриев с правом совещательного голоса избирался делегатом VI съезда красных воинов от Тедженского уезда, был и делегатом съезда народов Востока. Перед арестом жил на центральной усадьбе тедженского колхоза «Революция». 8 октября 1939 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ТССР рассмотрело дело Хангельды Карриева, 1890 года рождения, и вынесла суровый приговор...

Решением Верховного суда ТССР рассмотрело дело Хангельды Карриев был полностью реабилитирован. Что ж, хорошо, что возвращено доброе имя человеку, честно служившему делу революции.

* * *

Есть севернее Кара-Кала местечко Багандар. Его окраины – безмолвные свидетели страшных событий тридцать седьмого. Трупы сотен безвинных людей сбрасывались здесь в глубокие рвы.

Об этом свидетельствует и рассказ каракалинца Меред-ага Эсен оглы:

– В 1937 году, когда шли массовые сталинские репрессии, были схвачены мой отец Эсен, его младшие братья Кадыр и Сапарали. Среди задержанных был и близкий друг моего отца Кувват-ага, приехавший в Кара-Кала из Азербайджана в 1930 году. Всех бросили в подземелье. Там было очень тесно. Люди с большим трудом расселись на полу, прислонясь друг к другу. Становилось все труднее дышать, и арестованные по одному подходили к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Мой отец даже потерял сознание. Его старый друг Кувват подал ему воды. Когда кувшин вновь опустел, Кувват-ага подошел к выходу и крикнул: «Подайте воды, тут человек умирает от жажды!», но ежовцы засыпали его глаза табаком. Позднее Кувват-ага все же раздобыл воды и спас моего отца.

* * *

Я узнал, что сыновья Кувват-ага – Керим, Паты, Насыр и поныне живут в Кара-Кала. Живы и другие свидетели тех черных дней. Пока живут люди, жива и надежда. Семьи павших надеются, что в недалеком будущем в Багандаре будет установлен памятник жертвам репрессий. Установить его – наш долг.

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 09.10.1991 год. Taryhy makalalar